

Она звал ее Изадора — в рязанской транскрипции. Кем была она? Фаворитка двух континентов, колдовская стихия, замки, состояния, корзины роз с визитками королей, президентов, магнатов и наркома внутренних дел у божественных ножек без пуант. Кем был он? Перелицованная революцией лимита, со славой, сшитой из счетов в столбик, казенных и собственноручных, за поколотые по кабакам зеркала. Лесной ручей, скрещенный с городской канализацией и ею проглоченный...

Чем прельстил? Не стихами — она по-русски плохо знала. Не молодостью — у гримерных примадонн такого масштаба ошиваются стаи мальков, всегда готовых к услугам. А может, одной обаятельной улыбкой шлопая на ангельском лице?

...Чем прельстила? А ей и не потребовалось прельщать.

Что самое ужасное — неумолимо читают свои стихи! Вот и этот самородок сейчас вынет из-за пазухи пудовый псалтырь — и целый день, пиши, намарку. А кухарке и не попенять. Диво ли, что разжалобил — пшеничные кудри, васьковские очи (синевы не та, густая, сумеречная, от которой когда-то екало сердце, а ситцевая, сарафанная). Ни дать ни взять живой лубок, крестьянский купидон. Купидон-то он купидон, а прищур Емелькин — и костяшки у пальцев стесаны, Соловей тире разбойник. И попробуй не прими! Заложит старообрядческое двуростие в рот, и от посвисту того молодецкого парусами вынуты рамы, зазмеются по стенам трещины, завертит по комнате, как пух из уст Эола, гипсовую голову, чтобы припечатать к виску ледяным прощальным поцелуем...

Блок невольно оглянулся. Голова никуда пока не собиралась. И, оправдывая

армии спустил интендантскую казну на бриллианты для весьма зрелой сальфиды. В результате чего голодное и разутое войско расхотело сражаться с Германией, а развернулось на сто восемьдесят градусов и свергло родное самодержавие. Вероятно, в память об этой исторической услуге балет пользовался у большевиков особыми привилегиями и почетом.

Есенин злился.

Зачем умер Блок? Не мог задержаться еще хоть на пару месяцев. Он бы понял, оценил, а то и позавидовал. А этой собачей своре — как объяснить? Не оформлять же всех спальными канделябрами! В рукаве — единственный козырь. Его и выхватывал:

— Изадора, танцуй!

Чтобы поперхнулись, ироды, ухмылками. Чтобы онемели, забыли о крашенных волосах, лишнем весе, бабьем лете плясуны, готовые отсечь и

русель. И Айседора, та, которая швыряла любовникам («Освободите меня, сэр, и от ваших подачек, и от вашего присутствия») дарственные на дворцы за одну неловкую фразу и неучтивый взгляд, терпела, плакала, прощала, кидалась вслед, откапывала в каком-нибудь «Стоиле Пегаса» и, успокоенная (жив!), наблюдала, как кочует от компании к компании ее потерянный ангел с собственным мореного дуба бюстом под мышкой, торжественно представляя:

— Сергей Есенин. Знаменитый поэт. Работа скульптора Коненкова. Оригинал. — И, ткнув себя в грудь, добавлял: — А это, выходит, копия.

Потом завертывала обоих, неотличимо деревянных, в шаль и возвращала одного — на шкаф, другого — в свои объятия...

О свистанная любовь спасается бегством. Его можно замаскировать под свадебное путеше-

его расплюснутыми тенями и взял курс на Запад миниатюрный шестиместный самолет.

— Прощайте, друзья! Я отправляюсь к славе.

Но триумфа не случилось. Оказалось, что мир не скучал без песен из выюжной России. Его биржевую душу не разбередил шелест дикорастущих берез, а исповеди хулиганов он предпочитал иметь в прозаической форме полицейского протокола. Агенты издательств не осаждали с контрактами наготове гостиничный номер, переводчики не обкладывались словарями. Проститутки — и те требовали за слушание стихов дополнительную плату по тарифу «особые услуги». Газеты находили лишним сообщать публике даже имя «молодого русского мужа знаменитой «Дункан». Молодой русский муж, тень великой босоножки — и ничто больше.

Есенин был в бешенстве. Ну и куда теперь? На земле — некуда. По возвращении в Россию они расстались.

Через несколько месяцев после разрыва на открытии сезона Илья Шнейдер, секретарь и переводчик Айседоры, обнаружил среди роскошных корзин с розами глиняный горшок с единственным цветком и приколотой к стеблю запиской «от С.Е.». А за первой кулисой и самого С.Е. На сцене близился финал. Танцовщица запрокинула голову так, что зрителям она стала не видна, сомкнула за спиной руки — и Ника Самофракийская, обезглавленная и безрукая, предстала залу в своем мраморном полете.

«Пошел занавес. И взвился вновь. И опять опустился. Зал грохочет. По радостному лицу Айседоры текут слезы. И вдруг она увидела Есенина.

— О-о-о! Дарлинг! — услышал я.

Ее обнаженные руки обвили его голову, а он целовал и целовал эти руки...

На Пречистенку отправились большой компанией. Есенин был возбужден, радостен...

Но вот его взгляд упал на стеклянную горку. На ней стоял его бюст. Есенин пододвинул к горке стул, забрался на него и потянул бюст к себе. Наконец, сдернув его с горки, спустился на пол. Все молчали. Есенин оглядел нас тяжелыми потемневшими глазами. Так темнеет море перед бурей. Через несколько минут хлопнула дверь. Есенин исчез, зажав под мышкой чудесное творение Коненкова».

Когда-то в самом начале он провожал ее на неделю в Питер. Расстаться на вокзале не смогли и уехали вместе. В «Англетере» портень вручил им ключ от пятнадцатого номера. В нем Есенин и повесится. А через два года застрянет в колесе автомобиля — по роковой ли воле ветра? — и затянется на ее горле тугой петлей шарфа. Случайное совпадение? Последняя ревнивая рифма?

Браки рушатся на земле, но совершаются — на небесах.

Чары Айседоры Дункан сыграли роковую роль в жизни Российской империи и смерти Есенина

ТЕНЬ ОТ БЮСТА

Анатолий Мариенгоф, тогда закадычный есенинский товарищ, в «Романе без вранья» с удивлением вспоминал: «...Эрмитаж. На скамьях — ситцевая веселая толпа. Из гнусавого равнодушного рояля человек с усталыми темными веками выколачивает «Лебединое озеро». К нам подошел Жорж Якулов:

— А хотите с Изадорой Дункан познакомиться?

Есенин даже привскочил со скамьи:

— Где она?.. где?

И понеслись от Зеркального зала к Зимнему, от Зимнего в Летний, от Летнего к оперетте, от оперетты обратно в парк шаркать глазами по скамьям.

<...>

Изадора Дункан не было. Есенин мрачнел и досадовал.

Теперь чудится что-то роковое в той необъяснимой и огромной жажде встречи с женщиной, которую он никогда не видел в лицо».

Правильно чудилось. А вот насчет лица ошибочка вышла. Лицо-то как раз было виденное, да так, что ни стереть, ни заспать.

Тем приснопамятным полуднем четырнадцатого года кухарка Блока втолкнула в хозяйский кабинет распаренного волнением посетителя. Она добыла его на черной лестнице, где он топтался в нерешительности. Кто такой? Чего надо? Не вор ли, не погорелец ли? Нет, не вор и не погорелец, а, прощения просим, пиит. Нарочно приехал в Петербург свидеться с барином на сочинительской почве.

Блок не жаловал молодых авторов. Они его утомляли. Пыжата, умничают, шумят, ниспровергают и —

вносят поворот, экскурсионно рекомендовал намагниченному гостю:

— Айседора Дункан. Знаменитая танцовщица. Копия с родеоновского бюста. Ну так хвастайтесь, юноша, с чем пожаловали?

Обошлось без членовредительства. Купидон покинул дом через парадный подъезд и направился напрямик в русскую литературу с рекомендательной запиской, птенцом зажатой в душном кулаке.

Семь лет спустя голова, когда-то вознесенная над Блоком, вкупе с торсом цельнокройно возлежала на кушетке, нанизывая на пальцы обручальные кольца кудрей. Коленопреклоненный Есенин сиял — она его тоже ждала! Не удивилась и не оттолкнула. Точно это в порядке вещей, когда знакомые молодые люди прыжком с порога кидаются обнимать прославленные ноги и тыкаться в них лбом.

Гости замолкли, хор замолчал, гул затих.

А она запустила обе руки в его волосы и вдруг произнесла первые невесть кем продиктованные слова на чужом языке:

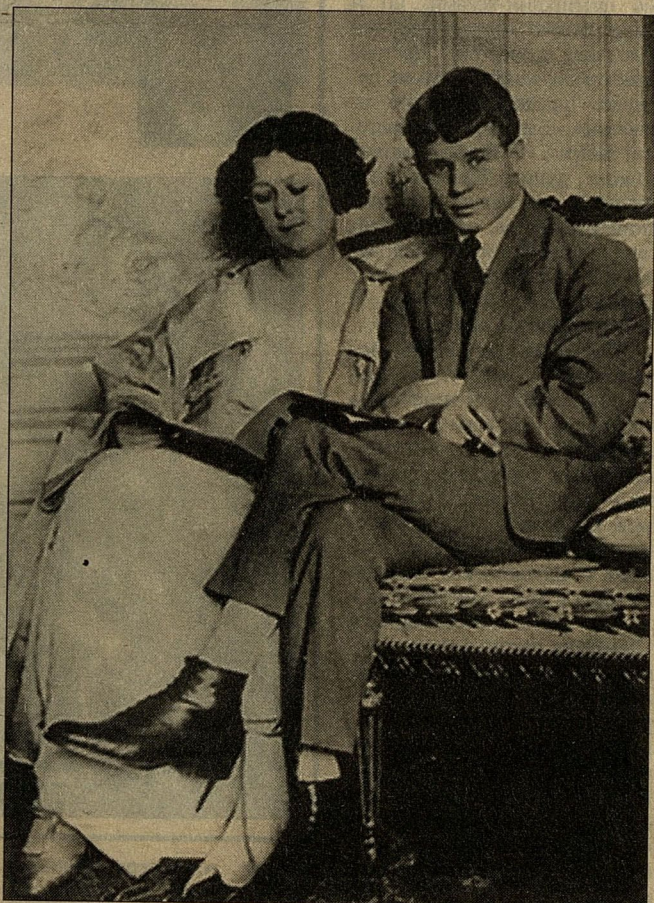
— За-ла-та-я головушка!

Браки совершаются на небесах, а рушатся на земле.

— Заарканила заокеанская развалина нашего Леля, — тужили друзья-приятели.

Чем? Роскошным особняком на Пречистенке, подношениями из Кремля, кругосветным эхом оваций, люксами мировых столиц (трость и цилиндр на шелковой подкладке барским жестом на руки лакею...). А может быть, все-таки гениальным, непредсказуемым, вдохновенным, неутомимым телом?

Вон и Великий князь, обеспеченный жилищностью и прислугой, вместо провианта и обмундирования для

презентовать ей любую лакомую часть любого постороннего тела. Так и было, пока длился танец. Но не могла же она протанцевать без антракта всю их совместную жизнь. Чары рассеивались. Туз оборачивался дородной дамой, распаренной прыжками и вином. Карта была снова и снова бита.

Есенин страдал.

Ясное дело, что не на диване, лицом в сырую подушку, с нетронутой пищей и спущенным флагом. Кутежи, куражи, лихачи, каталажки; я вам не кенарь, я поэт, мордобой (верная примета роковой среднерусской любви); дорога, я плачу, прости, прости. В общем, известная родная ка-

стие или, например, двойное гастрольное турне. Танцовщицы Айседоры Дункан и поэта Сергея Есенина. Нет, наоборот. Поэта Сергея Есенина и танцовщицы Айседоры Дункан. Да и на самом деле пора, мой друг, давно пора. Мир зажался. Роемся в книжных развалах, листает, морщится — не то, все не то... Не то, от чего бы душу, как зуб от студеной воды, заломило. От чего бы часы позабыли тикать. Ну где же, где же вы, золотые уста?..

— А вот они, мистер Мир, уже шлют тебе воздушные поцелуи!

...3 мая 1922 года с Ходынского поля взлетел над